

М., ОГИЗ, Государственное издательство географической литературы, 1947

Под редакцией и со вступительной статьёй Э. М. Мурзаева

OCR Бычков М. Н.

СОДЕРЖАНИЕ

Эд. М. Мурзаев. Лобнорское путешествие Н. М. Пржевальского и загадка Лоб-нора

Н. М. Пржевальский. От Кульджи за Тянь-шань и на Лоб-нор (с извлечениями из полевого дневника второго путешествия в Центральную Азию: "От Кульджи через Тянь-шань на Лоб-нор и по Джунгарии до Гучена")

Список латинских названий животных с указанием их русских названий

Список латинских названий растений с указанием их русских названий

Примечания и комментарии редактора

Таблицы перевода мер, употреблявшихся Н. М. Пржевальским, в метрические меры

ЛОБНОРСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ Н.М. ПРЖЕВАЛЬСКОГО И ЗАГАДКА ЛОБ-НОРА

Свое лобнорское, или второе центральноазиатское, путешествие Николай Михайлович Пржевальский считал мало удачным, незаконченным. Он имел все основания не быть довольным результатами этого путешествия, хотя не раз подчёркивал, что счастье удивительным образом сопровождало его и на этот раз, что старая тайна Лоб-нора, наконец, разгадана.

События в Западном Китае, охваченном войной, натянутость в дипломатических отношениях между Россией и Китаем, смерть горячо любимой матери Николая Михайловича, его болезнь -- всё вместе взятое заставило свернуть работы экспедиции, и по предложению из Петербурга Пржевальский должен был покинуть пределы Центральной Азии.

В первоначальные планы второй центральноазиатской экспедиции входило изучение Лоб-нора и Тибета, посещение Лхасы и берегов Брамипутры. В 1877 г., когда вспыхнула русско-турецкая война, Пржевальский был в горах Восточного Тянь-шаня. Как солдат, он ждет указания куда следовать. Страшно хочется ехать в Тибет, как предполагалось по плану, а родина зовёт стать в ряды сражающихся. В дневнике от 1 июня 1877 г. имеется следующая его запись:

"Из газет узнаю, что война с Турцией, наконец, началась. Едва ли она ограничится только двумя государствами. Всего вернее, будет свалка общеевропейская. В подобную минуту честь требует оставить на время мирное путешествие и стать в ряды сражающихся. Послезавтра пошлю об этом телеграмму в Петербург. Не знаю, какой получу ответ. Куда придётся ехать? На Дунай или на Брамипутру? Хорош контраст!"

Надо было спешить в Тибет, ибо Лхасу готовились посетить англичане из Индии.

До последней минуты Пржевальский надеялся на осуществление всех планов путешествия, на посещение и изучение Тибета. Хотя все обстоятельства складывались против путешествия, сам путешественник не мог сознаться себе в этом. В нём происходила борьба, где много "за" и ещё больше "против" продолжения экспедиции мучили и не давали покоя. Всегда решительный и не колеблющийся, больной и измученный, Пржевальский колебался, боролся, раздражался, но сам не мог сделать вывода. Между тем, всё подкашивало ему это решение. Когда пришла телеграмма начальника Генерального штаба о необходимости возвратиться в Петербург, -- явилось успокоение, ибо такое решение подтверждало скрытые, далеко спрятанные думы, мучившие путешественника длинными бессонными ночами, когда усиливающийся зуд не давал сомкнуть глаз, а раздражение готово было выливаться на всё, на каждого. Мучения, которые не оставляли путешественника в течение нескольких месяцев, изменили характер Пржевальского. Вот его признание, доверенное страницам дневника:

"29 марта. Стоим возле деревни Кендерлык. Погода отвратительная, холод и буря.

Перед вечером получил от графа Гейдена телеграмму, в которой объяснено, что военный министр находит неудобным, при настоящих обстоятельствах, моё движение в глубь Китая. Теперь более уже невозможно колебаться. Как ни тяжело мне, но нужно покориться необходимости и отложить экспедицию в Тибет до более благоприятных обстоятельств. Тем более, что моё здоровье плохо -- общая слабость и хрипота горла, вероятно, вследствие употребления йодистого кали. Пожалуй, что самый отказ итти теперь в экспедицию, даже болезнь и возвращение из Гучена -- случились к моему счастью. Больной теперь, я почти наверное не мог бы сходить в Тибет. Только сам я не хотел и не мог отказаться от этой мысли, хотя внутренне предугадывал неудачу.

Если же мы прошли бы в Цайдам, то китайцы, в случае ссоры с русскими, легко могли передуть нас. Посмотрим, насколько рассеется это дело в будущем.

С эстафетой послал в Главный штаб телеграмму с просьбою разрешить мне вернуться в Петербург для поправления здоровья".

С самого начала экспедиции, с момента выхода из Кульджи в Тянь-шань, обстоятельства складываются не в пользу экспедиции. Это много раз подчёркивает Пржевальский в отчёте и дневнике. С первых дней пришлось расстаться с одним из помощников Е. М. Повало-Швыйковским, "оказавшимся совершенно не годным для экспедиции по своей умственной ограниченности и неспособности к какому-либо делу..." Это обстоятельство очень переживал Пржевальский: "...я плакал несколько раз, как ребёнок". Но строгий и требовательный начальник, каким был Пржевальский, взял вверх, и Швыйковский оставил экспедицию.

Якуб-бек, глава кратковременно существовавшего государства в Восточном Туркестане -- Джеты-шаара -- уже в горах Тянь-шаня прислал своих представителей, по существу конвой, которые сопровождали всю экспедицию почти на всём её протяжении и тем самым до крайности осложняли работы, а это вызывало не раз справедливый гнев путешественника. По пути следования экспедиции местным жителям были даны указания не общаться с русскими, не давать им никаких сведений. Пржевальский только украдкой вёл маршрутную съёмку, и это, по его признанию, очень сильно отражалось на точности работ. Пржевальского не допускали в города, не давали возможности итти по избранным им маршрутам, водили трудными и окольными путями, чтобы затруднить работы и заставить его отказаться от путешествия и возвратиться в Россию. О том, до какой степени раздражала Пржевальского такая обстановка, видно из его записи, сделанной на обратном пути из Лоб-нора:

1--4 мая [1877 г.]. П_ь_ё_м_д_о_н_а_г_о_р_ь_к_у_ю_ч_а_ш_у_и_с_п_ы_т_а_н_и_й... Идём из Курли в Тянь-шань под конвоем человек двадцати всякой сволочи, посланной с нами Бадуалетом под предлогом проводов. Не только мы, но даже наши казаки под караулом: сзади и спереди каравана едут солдаты и не дают никому слова сказать "кафирам". На Хайду-голе казакмыкам запретили приходить к нам под страхом смертной казни. На обеих сторонах реки были поставлены караулы. Ложь и лицемерие на каждом шагу; нас ненавидят все провожающие, за исключением разве Заман-бека. Последний к нам неліцемерно расположен, но боится высказаться и потому также обманывает нас. Котора ехать при такой обстановке! В особенности трудно сдерживаться, зная, что это уже последние дни испытаний. Довольно мы уже натерпелись -- целых шесть месяцев были "дорогими гостями" во владениях Бадуалета". Восточный Туркестан в этот год переживал трагическое время. Правительственные китайские войска двигались на запад и грозили государству Якуб-бека полным разгромом. Назревала и скоро разразилась русско-турецкая война. Личные дела у Пржевальского складывались также не в пользу путешествия. Вторая часть экспедиции очень тяжело отозвалась на здоровье Пржевальского. Уже в записях от 15 июня 1877 г. он жалуется на то, что различные боли ему мешают. Болит горло и правый бок. "Кроме того, я сильно поухудел: нравственные волнения во время лобнорской экспедиции и на Балгантай-голе, голодовки и пешеходный путь на Кунгесе, наконец, постоянная работа -- всё это сильно отозвалось на моём здоровье. Хватит ли его, чтобы успешно совершить тибетскую экспедицию?"

Но болезнь, ставшая кошмаром, началась летом 1877 г. Упорный, нестерпимый зуд Pruritus scroii поразил Пржевальского и некоторых его спутников: Эклона, Чебаева. Особенно тяжело досталось Пржевальскому. В течение всей осени и зимы зуд не прекращался, а, наоборот, усиливался, доводя до бессильного бешенства этого энергичного и всегда жизнерадостного человека. В городе Гучене лечил его китайский врач, в дороге больной лечил сам себя, в Зайсане русские врачи, но так и не избавился Пржевальский от болезни до самого конца экспедиции. Временами наступало облегчение, но затем вновь появлялся зуд и мучил пуще прежнего. Нельзя без участия читать жалобы путешественника на болезнь, столь частые во второй половине экспедиции:

"5--20 декабря [1877 г.]. Всё это время было употреблено на переход до Зайсанского поста. Шли без дневок с восхода солнца почти до заката. Всё это время я должен был сидеть в телеге, которая трясла немилосердно, в особенности по кочкам. От такой тряски ежедневно болела голова; боль эту ещё увеличивал постоянный дым в юрте. Грязь на всех нас была страшная, в особенности у меня, так как по несколько раз в день и в ночь приходилось мазаться дёгтем с салом, чтобы хоть немного унять нестерпимый зуд. От подобной мази бельё пачкалось страшно, штаны были насквозь пропитаны дегтярным салом. Холода стояли страшные, пять суток сряду ртуть в термометре замерзала. В юрте ночью без огня мороз доходил до --26°. И на таком морозе в грязи приходилось проводить ночи наполовину без сна. Мёрзлую мазью, в темноте и морозе 5--6 раз в ночь нужно было мазаться. Бррр!.. противно вспомнить о таких тяжёлых временах".

И всё же Пржевальский не оставляет своих наблюдений, он регулярно ведёт дневник, делает записи метеорологических наблюдений, поддерживает дисциплину в